

АЛЕКСАНДР ИВКИН

ПОСЛЕДНЕЕ
ПИСЬМО

РАССКАЗ

18+

Александр Николаевич Ивкин

Последнее письмо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732517

SelfPub; 2020

Аннотация

Изначально, "Последнее письмо" должно было стать главой в рассказе. Но, в процессе работы, я понял, что эта глава способна существовать обособленно, что она сама по себе – отдельная история. "Последнее письмо" – это предостережение тем, кто рассуждает о войнах по картинке в кино, или по сюжетам компьютерных шутеров. Это напоминание людям, переполненным пустой бравадой, и лжепатриотизмом. Это обращение к очарованным военной романтикой: Прислушайтесь! Война – это страшно! На войне приходится умирать. Некрасиво, мучительно, по настоящему! "Последнее письмо" – это послание тем силам, которые по прежнему считают, что вторжение в чужую страну, это лучший способ решения внутренних политических задач. Это иллюстрация того, чем оборачивается провозглашение преступлений против морали – наивысшей доблестью. Главному герою моего рассказа всё это предстоит понять. Об этом он и напишет нам в своём последнем письме.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, папа, брат Вилли и горячо любимая сестренка Анна. Шлю вам приветствие из далекой России.

Передаю почтение и от моих друзей. Все они славные ребята. Нашего земляка, Ульфа Лейера, вы, конечно, знаете, а с Шаппером я вас знакомил в своих прошлых письмах. Вместо бедняги Экарта к нам прислали рядового Отто Шеффера, он баварец, из-под Фюрта. Мы еще не успели с ним близко познакомиться, но я надеюсь, что Отто станет достойной заменой нашему выбывшему товарищу. С Экартом все прояснилось, его отправляют домой. Бедолаге ампутировали отмороженные пальцы на левой ступне, теперь он будет хромать. Вот так печально закончились его приключения.

Обо мне не беспокойтесь. У меня все хорошо. Спасибо вам за посылку. Носки и вязаная шапка мнегодились. Здесь бывает очень холодно, до минус сорока. Я не представлял, что такое возможно. Мы надеваем на себя ворох одежды и долго смеемся, разглядывая друг друга. Особенно всех веселит толстяк Ульф. Облачаясь в зимний маскировочный костюм, он становится похожим на белого медведя. Ходит он так же, в развалку, и рычит на всех, когда голоден.

Хочется написать о многом, но вы же знаете, какой из меня писатель. Здесь в этом мне помогает Йохан Шаппер. Он беспощадно правит мою писанину, точно господин Хорст – наш школьный учитель. Интересно, как пожива-

ет этот старьй зануда? Передавайте ему привет и обязательно скажите, что Эрнст Хельвиц, которого он частенько ругал за неуспеваемость, теперь геройски сражается на Восточном фронте.

Вот уже два месяца я нахожусь здесь. Работы у нас, полковых связистов, много. И днем и ночью, при любой погоде мы мотаемся между подразделениями, как заведенные. Связь необходима, без нее никак. Наш ротный, обер-лейтенант Цвирке, любит повторять, что кабель связи – это нерв фронта. Оборви его, и тело всей армии станет бесчувственным, глухим и слепым. Не скрою, бывает тяжело, но служба мне нравится.

Отец, я часто вспоминаю твои рассказы о «боевом братстве». Сегодня это понятие для меня не просто слова. Теперь я знаю: на фронте нет отдельной судьбы, нет частного, здесь все общее. Мы спим вместе и едим из одного котла. Радости и печали мы переживаем сообща. В бой идем плечом к плечу. Мы всё делим поровну: и жизнь, и смерть. Мои товарищи – мои братья. И я, не задумываясь, готов пожертвовать собой ради любого из них. Люди, которые меня окружают, такие разные, но все мы, словно пальцы, сжатые в единый кулак, и поэтому мы непобедимы! Скоро, очень скоро, мы вернемся домой с миром. Если кто-то скажет обратное, то я просто рассмеюсь ему в лицо.

Война – это самопожертвование ради высшей цели. Но вам беспокоиться не о чем, дорогие мои. Пока самое плохое,

что со мной может случиться, это обморожение. Как говорит весельчак Ульф: «Тому, кто готов отдать за Родину жизнь, куска отмороженного мяса тем более не жалко».

Здесь не хватает теплых вещей. Я очень жду посылку с шерстяным свитером, о котором вы мне написали. Недавно мне посчастливилось выменять у знакомого артиллериста отличный меховой жилет. А вчера я сторговал у местного аборигена ватные штаны и телогрейку. Не могу найти хорошую обувь. Она на вес золота. Видел русские валенки – это как раз то, что мне нужно. В таких шерстяных сапогах никакой мороз не страшен.

Вилли, в своем письме ты спрашивал: встречал ли я русских солдат? Да, братишка. Совсем недавно со мной произошел интересный случай. Мы, как обычно, проверяли линию связи. Нас было четверо. Близился вечер. Наши патруль продвигался по лесной дороге. Прошли сильные снегопады, и кабель приходилось выдергивать из-под сугробов. Мне повезло первым заметить людей, которые прятались за елками. Я предупредил товарищей, и мы взялись за оружие. Шанпер, он у нас старший, распорядился всем залечь на обочине и приготовиться к бою. Затем он громко и строго приказал незнакомцам поднять руки вверх и выйти на дорогу. Ты ведь знаешь, Вилли, – твой брат не из пугливых. Я вжался в снег и тщательно прицелился в одну из темных фигур за деревьями. Палец застыл на курке. Люди в лесу зашевелились. Видя, что мы настроены решительно, они подня-

ли руки и стали по одному выходить на открытое место. Это были красноармейцы. Шаппер приказал им сложить оружие. Находясь под нашими прицелами, солдаты побросали винтовки. Я насчитал восемь человек – вдвое больше, чем нас. Эти люди сгрудились в кучу, угрюмо поглядывая в нашу сторону. Грубые, покрытые черной щетиной лица, глубоко посаженные глаза. В их сутулых фигурах чувствовалась тупая первобытная сила. Они были грязные, худые, заросшие. Их летние шинели больше походили на ободранное тряпье. Мы приняли решение отвести их в расположение части. Первым делом красноармейцы стали просить еды и курева. Я хотел угостить самого назойливого прикладом, но Йохен Шаппер остановил меня, сказав, что с пленными следует обращаться гуманно. Он разделил между ними галеты из своего пайка и даже поделился табаком. Русские были счастливы, некоторые начали улыбаться и что-то лопотать на непонятном языке. Мы построили их в колонну по двое и повели. Я смотрел на эту процессию и думал, что сотням тысяч подобных солдат, оболваненных командирами, на самом деле нужны только еда и табак, поэтому все они, рано или поздно, бросят свое оружие к нашим ногам.

Отец, так получилось, что передо мной противник, с которым когда-то столкнулся и ты. Похоже, здесь ничего не изменилось. В прошлом, обманутые своим царем, они потерпели поражение и теперь, запуганные идейными вождями, проиграют эту войну. Ты выгнал неприятеля прочь с нашей

земли. Я продолжю твое дело и добыю врага в его логове. Не правда ли, это нас сближает?

Мама, за меня не волнуйся. Поцелуй маленькую Анну. Берегите себя. Вы – самое дорогое, что у меня есть. Надеюсь, мы скоро увидимся. Любящий вас, сын и брат Эрнст Хельвиг.

Восточный фронт. Декабрь 1941 г.»

1

«Как выглядит холод? Возможно, он прозрачен и чист, словно воздух морозной ночью. Или он подобен искристому снежному вихрю, что клубится над верхушкам сугробов? А может, холод – это вирус, мельчайшей взвесью распыленный вокруг? Достаточно сделать вдох, и он проникнет в тебя. Холод – это коварный хищник, выслеживающий добычу. Он подкрадывается осторожно, медленно, незаметно. Если сидеть тихо, то его можно услышать. Слышишь? Это он скрипнул половицами в соседней комнате. Видишь? Это он шевельнул тканью задвинутых на ночь штор. Чувствуешь? Это он коснулся твоей руки еле ощутимым дуновением. Никто не знает, как выглядит холод. Но он уже здесь...»

Эрнст боялся сделать вдох. Так он лежал целую вечность. Это было странное состояние. Мысли роились в голове, словно назойливые насекомые. Они мелькали в глазах, жужжали над самым ухом, мешали сосредоточиться на главном.

И от них нельзя было отмахнуться. Кто-то задавал Эрнсту вопросы и сам же на них отвечал. Этот тихий, монотонный голос рождал видения. Молодой человек слышал отчетливый скрип половиц в соседней, родительской комнате. Он видел, как качнулись тяжелые шторы, расшитые фантастическими цветами и драконами. А через мгновение его руки что-то коснулось. Легкий сквозняк. Сонное дыхание старого дома. Стылое прикосновение холода. Гигантская доисторическая рептилия, извиваясь всем телом, медленно шагала мимо кровати...

Это был самый страшный детский кошмар Эрнста Хельвига. Он приходил только во время сильной болезни. Когда мальчик метался в горячечном бреду, и по бледному лицу его катились крупные горошины пота. В такие дни мама всегда находилась рядом. Ее глаза были печальны, а ладонь сухой и прохладной. Отец подходил и выглядел озадаченным. Он присаживался на край кровати и сидел молча. Иногда возле Эрнста появлялось испуганное лицо младшего брата Вилли. На него строго шикали, и Вилли исчезал. В доме все говорили только шепотом, небольшие окна были задернуты плотными шторами. Всю ночь напролет на столе тускло мерцала свеча, а на стенах комнаты дрожали искаженные зыбкие тени...

«Что со мной? Я болен? Как я оказался дома? – сквозь непрерывный шум в голове Эрнст пытался размышлять. – Ведь это совершенно невозможно. Мой дом, моя семья – они

так далеки отсюда, что встреча с ними теперь кажется сном».

Иногда мысли прояснялись, и Эрнст чувствовал, что вот-вот вспомнит что-то очень важное. Но снова и снова все тот же тихий, монотонный голос погружал его в пучину видений...

«Как выглядит холод? Он подобен ископаемому ящеру с длинным извивающимся телом. С маленькими неподвижными глазками. С острыми ледяными зубами, торчащими из приоткрытой пасти. Его движения медлительны. Поступь изогнутых когтистых лап тяжела и уверенна. Он никуда не торопится. Он равнодушен ко всему окружающему. Он не из этого мира. И повсюду, где бы он ни находился, его стылое дыхание отравляет воздух».

Эрнст сделал судорожный вдох и очнулся. Воздух в землянке был отравлен холодом. Молодой человек так заочеченел, что не чувствовал собственного тела. Товарищи спали мертвым сном. Никто не пожелал встать и подкинуть дров в топку. Огонь погас, и самодельная печь остыла. Эрнст пытался вспомнить, кто сегодня дежурит по хозяйству. Кажется, это был Йохен Шаппер. Обычно он лучше всех справлялся со своими обязанностями. В чем дело, почему так холодно? Эрнст недовольно поморщился и стал звать Шаппера:
– Йохен! Какого черта?! Затопи печь!

От звука собственного голоса он окончательно пришел в себя. Перед глазами лежал снег. «Откуда в землянке снег?» – удивился солдат. Он попытался встать, но левое бедро прон-

зила такая сильная боль, что Эрнст вскрикнул. Он не мог понять, что происходит. Стараясь не шевелить ногой, молодой человек огляделся.

Землянки не было. Была ночь, и был лес. Голубоватый снег и черные стволы деревьев. Вдоль сугробов тянулись ломаные полосы теней. Пробивая еловые ветви навывлет, ярко светила луна. Холодные звезды равнодушно помигивали в пустоте ночного неба. Снег искрился миллионами алмазных песчинок. Звонящая тишина и мертвенный свет создавали ощущение нереальности. Эрнст смотрел на все это в оцепенении. Сон продолжается?

И вдруг, разрушая безмолвный мир, на молодого человека обрушилась грохочущая лавина памяти. Подобно литературному составу она пронеслась сквозь него, ослепив сознание лентой недавних событий. Солдат в отчаянии обхватил голову и застонал. Вместе с памятью в тело вернулась боль, которая засела в левом бедре. Любое неосторожное движение превращало эту боль в пытку. Расцарапанное лицо саднило, руки и ноги окоченели от холода. Голова кружилась, волна за волной к горлу подкатывала приторная тошнота. Эрнст ворочался в снегу до тех пор, пока не оперся спиной о поваленный ствол дерева. Устроившись так и немного отдышавшись, он начал себя осматривать. Левая штанина маскировочных брюк от бедра и ниже пропиталась кровью. Снег в округе был усеян черными пятнами. «Я ранен! – первая осознанная мысль прозвучала в голове как приговор. – Теперь я

истеку кровью или замерзну!» Эрнст Хельви́г посмотрел на окружившие его ели и тихо прошептал:

– Господи, помоги мне! Господи, не оставь меня! Господи, дай мне сил! – ему больше не к кому было обратиться.

2

Больше всего Эрнсту хотелось снова проснуться и понять, что все произошедшее случилось с кем-то другим. Еще вчера ему было как-то странно думать о своей смерти. Будущее виделось долгим, а в письмах к родным летели обещания скорой встречи. В душе крепла уверенность, что даже война не в силах лишить его возможности управлять своим завтра. Тяготы службы становились привычными. Эрнст уходил на боевые задания, нисколько не сомневаясь в их успешном завершении. Ощущение опасности притупилось, и походная жизнь начала обрывать обыденностью. Молодой человек строил планы и верил – с ним ничего не случится. Теперь все это осталось в прошлом. В непостижимо далеком вчера...

Короткий зимний день, едва набрав силу, быстро угасал. С востока его теснила угрюмая серая мгла, готовая перейти в массивное наступление по всему фронту. Чужой негостеприимный лес, замеченный декабрьскими снегами, еще не выглядел таким враждебным, готовым бесследно поглотить любого заплутавшего здесь. Но где-то в глубине его уже ворочался, пробуждаясь от сна, дремучий дух, не веда-

ющий пощады к непрошеным гостям. Пробуя свои силы, он скручивал и сотрясал иссушенные морозом стволы деревьев. Поддавшись его воле, огромные ели по очереди со стоном обрушивали с себя лавины снега, поднимая в воздух клубы колкой ледяной пыли. Тишину промерзшего леса периодически нарушали протяжные скрипы, которыми вековые великаны оповещали друг друга о неслыханном вероломстве.

Под их кронами, вздрагивая обледенелыми боками, плутали в непроходимых сугробах две лошадки, вяло подгоняемые своими наездниками.

– Мы заблудились, Эрни, пока не стемнело надо поворачивать назад!

Йохен Шаппер, в зимних маскировочных штанах и куртке, был похож на необычайно распухшую мумию, с головы до ног обмотанную белыми тряпками. Толстый, покрытый инеем шарф, накрученный вокруг шеи, сковывал движения. Обращаясь к товарищу, ефрейтор поворачивался всем телом. Маленькой, приземистой лошадке Шаппера приходилось туго. Она то и дело по брюхо увязала в глубоком снегу, тяжело приседала на круп, выпрыгивала и снова увязала. Из её ноздрей, облепленных хлопьями замершей пены, валил густой пар. Позади плелась лохматая лошадка Эрнста Хельвига, она покорно ступала «след в след» по разрытому снежному коридору. Сам Эрни раскачивался и балансировал в седле, помогая животному двигаться вперед. Больше часа они блуждали по лесу. Приглушенный шарфом голос Йохе-

на звучал раздраженно:

– Зря я тебя послушал! Надо было и дальше ехать вдоль просеки. Давно были бы на месте.

– А кто у нас старший? – Эрнст не преминул тут же огрызнуться. – Ты сам принимал решение и нечего теперь на меня сваливать!

– Ладно, не заводись. Возвращаемся на дорогу.

– Это что получается, столько времени впустую? Вот уж нет! – Эрнст дернул поводья в сторону и стал активно работать пятками, заставляя лошадку вылезти из проторенной тропы на снежную целину. Поравнявшись с Шаппером, он продолжил:

– Ты можешь поворачивать, а я пойду вперед. Вот увидишь, через полчаса я буду сидеть у печки, наслаждаться теплом и ждать, когда заварится кофе.

– Эрни, не дури. Мы поворачиваем. Это приказ!

Разговор был окончен, ефрейтор развернул лошадь и двинулся обратно. Эрнст, выждав паузу, направился за товарищем. Теперь солдаты держались на расстоянии друг от друга. Один ехал, молча размышляя о чем-то своём, второй же продолжал вполголоса возмущаться. Обиженно шмыгая носом, Эрни досадовал:

– Что за несправедливость? Пехота, закутавшись в шинели, прячется у себя в окопах. Каждые четверть часа они бегают в теплый блиндаж греться. Артиллеристы вообще на улицу носа не показывают – отстрелялись и в избу. Все сидят

по норам. Даже русских не слышно! И только мы, как проклятые, должны мотаться весь день на холоде, обеспечивая связь... Будь она неладна вместе с этими ледяными дебрями и бесконечными морозами!

Йохену надоело слушать нытье товарища. Он напомнил другу о том, что в здешних лесах полно выходящих из окружения красноармейцев – эти люди представляют собой замерзшие, голодные банды, плохо вооруженные, но от этого не менее опасные, и встреча с ними не входит в его (Шаппера) планы.

– Поэтому не мешало бы тебе заткнуться! – подытожил Йохен.

Он хотел добавить что-то еще, но внезапно смолк, встал на стременах и застыл, прислушиваясь к лесу. Заметив такое, Хельвиг натянул поводья и остановил лошадь.

– Ты чего? – настороженно прошептал он.

В ответ ефрейтор быстро вскинул руку, приказав товарищу молчать. Эрнст начал озираться по сторонам. В какой-то момент он уловил легкий запах дыма. Лошади, почуяв близость жилья, стали шумно втягивать морозный воздух, вскидывать седые от инея морды, резко фыркать, водить ушами и переминаться с ноги на ногу.

Кроме звуков, издаваемых лошадьми, ничего не было слышно.

– Что там? Деревня? – Эрнст с трудом перекинул ногу через пятнистый круп и спрыгнул на снег. Его ботинки полно-

стью зарылись в сугробе.

– Подержи лошадей, я схожу посмотрю.

Шаппер еще некоторое время прислушивался, затем сполз с седла и, приняв поводья, предостерег товарища:

– Будь осторожен, из леса не высовывайся. В деревню не входи. Как осмотришься – сразу назад!

Эрнст только отмахнулся:

– Да ладно тебе...

Он подтянул ремень карабина и медленно двинулся туда, где в просветах между широкими елями угадывалось открытое пространство.

Со спины молодой человек выглядел нелепо. Белый маскировочный балдахин, одетый поверх трофейной телогрейки, треугольный капюшон, скрывающий голову, толстая шея, обмотанная шарфом в несколько оборотов. Стеганные ватные штаны и разъехавшиеся, кое-как зашнурованные ботинки с торчащей из них соломой. На руках огромные и плоские, как две лопаты, варежки, внутри которых еще и пара шерстяных перчаток. Только португеза с подсумками и карабин выдавали в этом странном чучеле солдата. Его неуклюжая фигура вскоре затерялась среди деревьев. Эрнст осторожно, без суеты продвигался вперед. Каждый метр по глубокому снегу давался с трудом. Прежде чем сделать очередной шаг, молодой человек высоко задирает ногу, вытаскивая ее из сугроба. При этом он изо всех сил старался сохранить равновесие, балансируя в неудобном положении. Очень ско-

ро Эрни почувствовал, что ему становится жарко. Он скинул с головы капюшон и постарался ослабить шарф, который подобно питону туго стягивал шею.

Лес поредел. Размашистые хвойные ветви, покрытые тяжелыми шапками, уступили место тощим деревьям, между которыми белыми оплывшими свечками торчали причудливые пирамидки молодого ельника. Эрнст остановился, чтобы немного передохнуть. Хотелось снять с себя все оболочки, вздохнуть полной грудью, размяться. Но солдат знал: этого делать нельзя. Холод легко проникнет внутрь, и тогда разгоряченное тело быстро остынет. Согреться потом будет невозможно. Русский мороз беспощаден. Стоит ему хорошенько в кого-нибудь вцепиться, и он уже ни за что не упустит своей добычи. За несколько месяцев, проведенных в России, Эрни не раз видел, как это бывает.

Сначала мороз весело заигрывает с человеком. Он шуточно пощипывает его за уши и нос. Он покрывает колким инеем волоски на лице и ворсинки на одежде. Словно потешаясь над человеческой беспомощностью, он заставляет путника, застигнутого врасплох, исполнять нехитрый танец. Подобно марионетке, которую дергают за нитки, тот начинает приплясывать на месте, с ложным задором похлопывая себя по разным частям тела. Когда морозу надоедает эта игра, он берется за дело по-настоящему. Обжигая дыхание своей жертвы, он вонзает в ее легкие тысячи острых игл. Одновременно с этим его стальные ладони скользят внутрь, под несколько

словес одежды. Впиваясь ледяными клыками в пальцы рук и ног, мороз беспощадно их пережевывает, доставляя невыносимую боль, от которой нет спасения. Вскоре человек уже не чувствует конечностей, он пытается растереть свои пальцы, но их словно не существует. Тело в борьбе за тепло начинает бить озноб. Рассудок в какой-то момент поддается панике, судорожно ищет выход, заставляет двигаться, куда-то бежать, искать укрытие... Силы расходуются быстро. Вскоре приходит усталость и безразличие ко всему. Возбужденное сознание успокаивается. Медленно и неизбежно, до тех пор, пока тело, скованное холодом, не застынет совсем. Теперь даже движение не спасает от смерти, оно приносит лишь мучения. И чтобы избавиться от нестерпимой боли, человек выбирает покой. Тот самый, который незаметно становится вечным...

Русский мороз беспощаден. Противостоять ему может только огонь. Он дарует людям живительное тепло, объединяя и удерживая их возле себя. Большие русские печи в деревенских избах, наскоро сложенные каменки в укрытых снегом блиндажах, железные печурки в крохотных землянках – вот главные зимние храмы здесь. Это к ним тянутся тысячи озябших рук. Это возле них находят утешение и покой тысячи заблудших душ, невзирая на национальность и вероисповедание.

Сейчас, когда по всему фронту вместо грохота канонады над траншеями трещат затяжные, небывалые по своей суро-

вости морозы, каждый выход на улицу подобен подвигу. Воевать в таких условиях – выше человеческих возможностей. Стало казаться, что свинец и сталь не способны нанести такой урон, который ежедневно приносит русская зима. Сотни, тысячи обмороженных. Деморализация и уныние среди личного состава. Никто не ожидал такого поворота событий. Все должно было закончиться до наступления холодов. Но вышло иначе. Командование вермахта объявило, что на помощь Красной армии пришли силы природы. Русский климат был объявлен главным врагом. Германская армия увязла в бескрайних заснеженных просторах России. Двигаясь все медленней, она растянулась на тысячи километров и, в итоге, встала. Мечтая о теплых квартирах, замерзающий вермахт смотрел в цейсовские стекла биноклей. Он с любопытством разглядывал азиатские луковички православных храмов, возвышающихся над крышами непокорных русских городов.

Все изменилось. Под ударами Красной армии линия фронта стала медленно выгибаться в обратную сторону. Теперь никто уже не говорил о скорой победе. Германская армия окапывалась и утеплялась, готовясь к долгой зимовке. Фатерланд заботливо слал посылки с теплыми вещами, собранными по всей Германии для отправки на Восточный фронт. Пропагандисты рапортовали: сотни тонн теплой одежды, миллионы немцев, принявших участие в кампании! Но этого всё равно не хватало. Поэтому солдаты утеплялись, кто как мог. Телогрейки и валенки, тулупы и шубы, шерстя-

ные носки и меховые шапки, свитера и жилетки, даже портянки – все, что могло согреть, ценилось на вес золота. Обладатель любого предмета из вышеперечисленных по праву считал себя счастливым.

Недавно в роту Эрнста Хельвига пришло несколько посылок от немецкого народа. Лично ему достался роскошный длинный шарф и шерстяные перчатки. Из дома молодому человеку прислали носки и вязаную шапку, а две недели назад он удачно выменял еще и меховой жилет. Вдобавок ко всему, у Эрнста уже имелась трофейная телогрейка и две пары портянок. Вернее, полторы пары – из одной портянки солдат сделал себе теплые наушники. Только с обувью обстояло не очень. Ботинки были холодными, и Хельвига спасали все те же русские портянки и солома, в которую он оборачивал ступни. Сейчас в ботинки набился снег, и ноги на сгибе стопы начинали основательно подмерзать. Эрнст с тоской подумал о теплой печке и сухих ногах.

Лес кончился. Серая стена разбежалась в стороны, опоясывая полого уходящее вниз поле. В его центре, посреди белого пространства из снега торчала небольшая деревенька, вернее то, что от нее осталось. Беспорядочно натыканные покосившиеся заборы, черные обугленные остовы изб и редкие холмики на месте сгоревших сараев. Людей не было видно. Следов тоже. На краю деревни молодой человек разглядел чудом уцелевшую постройку – чумазую бревенчатую баньку, расположенную особняком. Из высокой железной трубы на

ее крыше вился сизый дымок. Солдат еще раз внимательно огляделся и шагнул в сторону деревни.

3

Дверь строения приоткрылась. На изрезанный глубокими тропинками двор вышел старик в латаном тулупчике и затертой шапке-ушанке. Он медленно проковылял к занесенному колодезному срубу. Безуспешно подергав намертво примерзшую крышку колодца, дед отдышался и принялся сгребать ведром снег. Набрав необходимое количество, и хорошенько утрамбовав его сверху, старик собрался идти обратно. В этот момент он увидел перед собой солдата. Вздвогнув от неожиданности, пожилой человек выронил ведро, судорожным движением стянул с себя шапку и застыл – согнутый пополам, с шапкой в руках и с выражением испуга на изрытом морщинами лице. Редкие волосы на его голове были абсолютно белыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.